

ВАДИМ НОРД

ОШИБКА ЮНОЙ АННЫ

Сможет ли ОН
разгадать
ее тайну?..

Любимые женщины пластического хирурга А.Берга

Вадим Норд

Ошибка юной Анны

«Яуза»

2014

Норд В.

Ошибка юной Анны / В. Норд — «Яуза», 2014 — (Любимые женщины пластического хирурга А.Берга)

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», – писал Чехов. Антону Павловичу простительно заблуждаться, потому что он, хоть и был врачом, но терапевтом, а не пластическим хирургом. Будь он пластическим хирургом, то написал бы, что в человеке все должно быть прекрасно, и в первую очередь нос. Даже самые красивые глаза и пухлые губы может испортить нос «картошкой». А тонкий изящный носик, напротив, может с легкостью преобразить самое скучное лицо. Вот почему ринопластика так востребована среди пациентов. Анна В. была девушкой очень красивой, и лишь длинноватый нос отделял ее от идеала. Именно с этой проблемой она и пришла в нижегородскую клинику «Палуксэ». А спустя какое-то время в кабинете Берга раздался телефонный звонок, и коллега-врач слезно просил Александра приехать в Нижний Новгород в качестве эксперта и помочь разобраться в причинах неудачной операции. И снова хирург Берг столкнулся с загадкой...

© Норд В., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

1. Неожиданное приглашение	5
2. Эскулап наоборот	13
3. Операция с летальным исходом	21
4. Катавасия с кавардаком	26
5. Сюрпризы, которых могло не быть	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Вадим Норд

Ошибка юной Анны

«...чтобы беспристрастно судить о некоторых людях, нужно заранее отказаться от иных предвзятых взглядов и от обыденной привычки к обыкновенно окружающим нас людям и предметам»

Ф. М. Достоевский. «Преступление и наказание»

1. Неожиданное приглашение

Пациентам не положено умирать.

Никогда.

Совсем.

В идеале не положено, а в жизни, увы, случается.

В пластической хирургии смерть пациента воспринимается особенно остро. Человек лег на операционный стол не для того, чтобы избавиться от какого-то тяжелого, чреватого серьезными осложнениями, а подчас и несовместимого с жизнью заболевания. Человек всего лишь хотел улучшить свою внешность, стать красивее. Но...

– Дело слишком сложно для того, чтобы обсуждать его по телефону...

Сложность дела сомнения не вызвала. Несложные дела не требуют привлечения экспертов, и о них не говорят дрожащим, взволнованным голосом. Но почему нельзя дать информацию по телефону? Что за секретность?

– Журналисты как с ума посходили, – пустился в объяснения собеседник, словно угадав невысказанную мысль. – Правдами и неправдами пытаются добыть информацию, не гнушаются самыми нелепыми слухами, делают на их основе еще более нелепые выводы. Не исключено, что кто-то из любопытствующих слушает сейчас наш разговор!..

Скорее всего собеседник преувеличивал, но кто его знает, какие там у них обстоятельства. Но телефон – далеко не единственное средство обмена информацией.

– На ваш имейл я тоже ничего отправлять не хочу, Александр Михайлович.

Нет, коллега из Нижнего Новгорода определенно умел читать мысли.

– Не уверен, что и в этом случае будет соблюдена конфиденциальность. Вдобавок не хочу, чтобы меня обвиняли в том, что я пытался как-то повлиять на вас. Официально вас будет приглашать следователь, вот пусть он вас и вводит в курс дела. Нам с вами только обвинений в предвзятости не хватало.

«Нам с вами» немного настораживало, потому что в какой-то мере объединяло. А эксперт никак не может объединяться с какой-либо из заинтересованных сторон. Не должен, не имеет права.

– Вот вы приедете, ознакомитесь со всеми материалами, пообщаетесь со всеми... м-м... причастными и тогда уж сами составите мнение, сделаете выводы.

«Вы приедете»? Кажется, еще никто не собирался приезжать. Какой, однако, хваткий человек. Обратился с просьбой и сразу все решил. В одностороннем порядке.

– Простите, Вадим Родионович, но вы, кажется, слишком торопитесь, – мягко упрекнул Александр. – Я не уверен, что смогу к вам приехать. Очень занят, напряженный график.

– Я понимаю, Александр Михайлович! – перебил собеседник. – У вас-то, да чтоб график был ненапряженным! Но и вы меня поймите! У меня, у нас не просто крупная проблема, а большая беда. Уголовное дело! Следователю очень понравилась идея пригласить в качестве эксперта вас. Практикующий хирург с большим опытом и превосходной репутацией, причем

совершенно со стороны – это как раз тот человек, который нам нужен. С учетом сложности дела следователь решил назначить комиссионную экспертизу. Доцент нашей медакадемии Рыкалов и кто-то совсем со стороны – это идеальное в данном случае сочетание, если слово «идеальный» здесь вообще уместно. У нас с вами знакомство шапочное, и оно никак не может послужить препятствием для привлечения вас...

Знакомство действительно было «шапочным». Оказавшись рядом на одной из конференций, обменялись парой слов и визитными карточками, а затем здоровались при встречах на других мероприятиях, вот и все.

– Вы не подумайте, что я не доверяю вам или Василию Тимофеевичу, нет, дело не в доверии. От меня здесь вообще ничего не зависит, все решает следователь, но вот он как раз считает, что для надежности в таком сложном случае нужны два эксперта, потому и назначил комплексную экспертизу. А я решил навести справки, то есть узнать, не согласитесь ли вы, Александр Михайлович, принять участие... Ох!

Собеседник остановился, чтобы перевести дух – волнение или сердечная недостаточность. Впрочем, не исключено, что он подыскивал нужные слова, которые помогли бы ему убедить «практикующего хирурга с большим опытом и превосходной репутацией». Александру стало немного неловко. Он подумал о том, что вполне способен выкроить два-три дня на поездку в Нижний. Не исключено, что понадобится приезжать еще раз, на суд, но это тоже ненадолго, на один-два дня. Как обычно, придется пожертвовать тем, чем жертвовать проще всего – работой над диссертацией. Это уже входит в привычку. Пора, ради пущей правдивости, назвать «диссертационные» дни «резервными», или «днями для срочных дел». Но, если говорить начистоту, то два, три или четыре дня диссертацию не спасут и существенно работу над ней не продвинут. А тут коллега просит помочь разобраться в сложной проблеме, в важной проблеме. С одной стороны – диссертация, с другой – уголовное дело по обвинению в халатности, повлекшей за собой смерть пациентки. Серьезное дело, решаются судьбы нескольких человек и одной клиники. Врач, осужденный за халатность, в профессиональном смысле обречен. Путь в хорошие учреждения ему заказан. Если он не прощается с медициной, а продолжает работать, то на большее, чем должность дежуранта в «скоромощной» больнице или врача районной поликлиники рассчитывать не может. Для клиники один-единственный случай халатности с летальным исходом может стать поистине роковым. Репутации зарабатываются долго, а рушатся в один момент. Однако же и халатность в медицине встречается не так уж и редко. Некоторые циники даже позволяют себе шуточки, связывая халатность с халатами, мол, если носишь халат, то поневоле начинаешь халатно относиться к своим обязанностям. Но это не тот случай, когда шутки уместны. Если просят помочь и ты можешь это сделать, то надо помочь, пусть даже и просьба не совсем по душе. Александру больше нравилось лечить, чем выступать в роли эксперта.

– Скажите, Вадим Родионович, а кому принадлежала идея пригласить меня в качестве эксперта? – пользуясь паузой, спросил Александр.

– Мне, – удивленно и с каким-то едва уловимым вызовом ответил собеседник и, не дожидаясь дальнейших вопросов, пустился в объяснения: – Я считаю, что ваша кандидатура подходит идеально. Мы с вами никогда не пересекались в делах, у нас нет взаимных интересов, вас никто не сможет упрекнуть в заведомой предвзятости. Это был первый главный критерий, потому что сами понимаете, что...

– Понимаю, – поспешно сказал Александр, немного утомившись многословием Вадима Родионовича.

– Второй главный критерий – ваш профессионализм...

Про свой профессионализм Александр слушал не очень внимательно – прикидывал в уме, как лучше перекроить свое расписание. Рассчитывать на один-два дня было бы немного опрометчиво, но трех для полного ознакомления с ситуацией хватит вполне. Да-да, именно

трех, ведь предстоит не просто знакомство с делом, но и кое-какие бюрократические формальности, на которые тоже потребуется время. Со среды по пятницу будет удобнее всего, так придется переносить всего одну операцию, четверговую. Пациентка как раз хотела прооперироваться как можно скорее (никакой необходимости, просто характер такой, «торопыжливый», как говорила бабушка), вот и будет ей новый подбородок в понедельник прямо с утра. Нет, лучше во вторник, пусть понедельник останется в запасе, мало ли что. Деловые встречи сдвигались гораздо легче операций, тем более что с кем-то можно переговорить по скайпу, а с кем-то обменяться письмами. Современный деловой этикет позволяет решать огромное количество дел удаленно-дистанционно. Вот чего нельзя делать по скайпу, так это проводить собеседования с кандидатами в сотрудники. Чтобы правильно оценить человека, его надо видеть вживую. Ничего страшного, пятничные собеседования можно объединить с теми, что назначены на вторник. Очень удобно проводить собеседования в конце рабочего дня, если процесс и затянется, то другим планам не помешает... Александр дослушал дифирамбы до конца и сказал, что согласен выступить в роли эксперта и готов приехать в следующую среду. Вадим Родионович обрадовался, пообещал забронировать «приличный номер в приличном отеле», встретить и «организовать все наилучшим образом». Александр на это ответил, что номер он забронирует сам и встречать его не надо, достаточно будет договориться со следователем, чтобы тот смог увидеть его сразу после приезда, объяснить суть дела и выдать материалы для ознакомления. На том и закончили. Александр тряхнул головой, отгоняя продолжавший звучать эхом в правом ухе прилипчиво-приторный баритон Вадима Родионовича, и набрал в поисковике «Клиника «Палуксэ» Нижний Новгород смерть пациентки». Попутно подивился странному названию клиники. Имя Поллукса¹ изменили для благозвучия? Зачем? Или то первые слоги фамилий учредителей, распространенный вариант «конструирования» названий. Какие-нибудь Павлов, Луков и Сэй Бао.

Поисковик услужливо выдал длинную вереницу ответов, отличающихся друг от друга только количеством обвинений и нелицеприятных эпитетов в адрес врачей. Суть сводилась к следующему: во время операции по изменению формы носа в нижегородской клинике «Палуксэ» скончалась 23-летняя Анна В. Врачи утверждают, что сделали все возможное для спасения Анны, но ее родители считают иначе. «По данному факту возбуждено уголовное дело», – повторялось из заметки в заметку. Слово «факт» применительно к смерти отчего-то покорило. На третьей странице Александр закончил просмотр и сформировал запрос несколько иначе, написав в строке поисковика: «Клиника «Палуксэ» Анна В.». Новый запрос немного добавил информации. Александр узнал, что фамилия Анны – Викулайская и что она работала менеджером по рекламе. Поняв, что больше ничего он о смерти Анны из Сети не узнает, Александр набрал в поисковике «Клиника «Палуксэ», отзывы». Отзывы, в подавляющем большинстве своем, были положительными. Немного настораживало обилие слов «чудесно», «превосходно» и «замечательно»; обычно, если хвалят от чистого сердца, то хвалят более сдержанно. Ну и одинаковые речевые обороты повторялись то и дело – «как вариант мне было предложено» и «продолжать и дальше в том же стиле». Александр знал, что многие клиники держат в штате специальных сотрудников (желательно с высшим медицинским образованием), в задачу которых входит грамотный сетевой пиар родного учреждения на форумах и прочих сайтах подобного рода. Профильное, то есть медицинское, образование страшует от грубых ляпов, помогает отличать ментопластику² от маммопластики³ и писать достоверные отзывы.

¹ Кастор и Поллукс – легендарные древнегреческие неразлучные близнецы.

² Пластика подбородка.

³ Пластика молочной железы.

Среди восторженных мелькали и критические отзывы. Редко, но встречались. Кого-то в «Палуксэ» отказались оперировать, кому-то сделали нос «не полностью соответствовавший ожиданиям», кому-то в ходе лечения пришлось раскошелиться на более крупную сумму, нежели было объявлено вначале... Что ж, бывает и такое. Иногда вроде бы все сделано правильно, а человеку не нравится его новый нос. Кому-то приходится отказывать, потому что возможности медицины, к сожалению, еще не способны удовлетворить потребности пациентов. Некоторые хотят несбыточного, а для некоторых имеются противопоказания. Вот и приходится им отказывать. Как говорит дорогой босс и компаньон Геннадий Валерианович (он же Карлсон): «Плоха та клиника, в которой оперируют всех без разбору». И он прав. «Мы непременно исполним ваши желания» переводится так: «В погоне за прибылью мы не останавливаемся ни перед чем, даже перед причинением вреда здоровью доверившихся нам пациентов». В ходе послеоперационного периода могут потребоваться дополнительные процедуры или назначение дополнительных препаратов, случается и так. Это удорожает лечение, чем, разумеется, клиенты бывают недовольны. Вот они и обвиняют врачей в недобросовестности, считают, что стали объектом раскрутки, хотя на самом деле никакой раскрутки здесь нет, просто неблагоприятно сложились обстоятельства.

Ничего особенного среди отзывов Александру найти не удалось. Ничего сверхъестественного, ничего очерняющего, обычная картина – ложка дегтя на бочку меда. Александр перевел взгляд с экрана на рамку с фотографией Августы⁴. Фотография стояла на своем месте с недавних пор, всего вторую неделю. Александр не смог бы объяснить даже себе самому, зачем ему вдруг понадобилась фотография любимой женщины на рабочем столе. Но как понадобилась – так сразу же и появилась. Александр не имел привычки откладывать дела в долгий ящик – ни большие, ни малые.

Его отношения с Августой (как им, отношениям, и положено) развивались-развивались, а потом вдруг дали трещину. Можно было искать утешения в китайских пословицах, одна из которых утверждала, что изъяны придают чувствам и вещам своеобразную прелесть, а другая говорила: «Это и есть счастье, когда треснуло, но не раскололось надвое». Но в любви, да и вообще в жизни, Александр придерживался других позиций. Врожденный перфекционизм, без которого никогда не стать настоящим профессионалом, ибо перфекционизм побуждает к развитию, так вот, этот самый перфекционизм подсказывал, что отношения с любимой женщиной должны только улучшаться с течением времени. Улучшаться, крепнуть, становиться богаче и ярче. А как же иначе? Иначе и быть не должно, не может быть иначе, ведь от трещины до разрыва – один шаг. Или два, но цифры в этом случае ничего не меняют, поскольку их роль чисто символическая.

Ничего особенного не произошло, но в то же время произошло очень многое. Вторая половина декабря выдалась не просто спокойной, а очень спокойной – настоящие дни безделья. Мало кто без особой необходимости делает пластические операции перед новогодними каникулами, разве что только те, у которых нет на это другого времени или подошел срок очередной или заключительной операции в четко расписанном операционном цикле. Вдобавок в конце декабря ожидался очередной конец света, который традиционно не настал, но на загруженности клиники в какой-то мере сказался. И то верно – перед концом света положено думать не о своей внешности, а о чем-то более значимом. Да и простой здравый смысл советует вначале благополучно пережить день «икс», а потом уже улучшать форму носа или груди. Короче говоря, вышло так, что каникулы у Александра начались двадцать пятого декабря, на четыре дня раньше запланированного срока. Недолго думая, он уехал в Питер. Собирался вернуться тридцатого, чтобы встречать Новый год с матерью, и в глубине души лелеял надежду, что Августа и ее сын приедут вместе с ним, чтобы встречать праздник всем вместе. Алексан-

⁴ Об отношениях Александра и Августы рассказывается в книгах «Девушка по имени Августа» и «В поисках Евы».

дру этого очень хотелось. Но, кажется, этого хотелось только ему одному. Августа сначала сказала «наверное, это не совсем удобно», потом пообещала подумать, потом сослалась на какие-то новогодние планы сына, но по тону ее чувствовалось, что никаких планов на самом деле нет. Александр решил попробовать уговорить мать и предложил ей для разнообразия встречать Новый год в Питере. Соблазнял хорошей проверенной гостиницей, интересной программой, нахваливал красоту зимней Северной столицы, но мать понимающе улыбнулась, покачала головой и сказала:

– Вот на этом празднике жизни я точно буду лишней. Поезжай один, а я буду встречать Новый год в компании.

– Почему вдруг лишней? – попробовал было возмутиться Александр.

Но в ответ услышал:

– Между родителями и детьми существует древний уговор – дети не должны огорчать родителей, а родители не должны мешать детям. Одно дело, если вы живете вместе и надумали пригласить меня в гости на встречу праздника, и другое – вот так.

«Ничего, – подумал Александр, понимая, что его идея с совместной встречей Нового года провалилась. – Будущий год мы точно станем встречать вчетвером...» Но было грустно расставаться с такой хорошей идеей, и отголоски этой грусти остались где-то в душе. В Питере к грусти добавилась ревность, и это притом, что Александр считал себя абсолютно неревнивым человеком. Кривил, конечно, душой, потому что ревность в той или иной мере свойственна всем людям, но если заменить слово «абсолютно» на «почти», то получилась бы правда. Беспричинная ревность, подозрительность и склонность к «самонакручиванию» были ему не свойственны. Но сознание того, что у любимой женщины кроме него есть еще кто-то, могло сильно огорчить. И огорчило.

Нагулявшись всласть по зимнему Петербургу (триста метров быстрым шагом под пробирающим до костей ветром – чашка кофе в теплом кафе, еще триста метров – еще одна чашка кофе, желательно с коньяком или ромом), Александр решил взять такси и перехватить Августу возле клиники, в которой она работала врачом-лаборантом. До этого они договаривались встретиться на площади Восстания, но Александр подумал, что в такую погоду не очень приятно идти от работы до метро пешком, пусть даже идти совсем недалеко. Чтобы не разминуться с Августой, он рассчитал время с двадцатиминутным запасом. Сидел в теплом уютном салоне такси, смотрел на двери, из которых должна была выйти Августа, слушал Коулмена Хокинса и думал о том, что в московском такси Хокинса никогда не услышишь, там вообще джаз не в почете, преобладает многонациональный шансон.

Августа вышла на самом пике очередного виртуозного музыкального пассажа. Александр заслушался и потому не сразу выскочил ей навстречу из машины. И хорошо, что не выскочил, потому что следом за Августой вышел высокий длинноволосый пижон в черном пальто. Почему Александр сразу классифицировал спутника Августы как пижона? Да потому что кто, кроме пижона, станет ходить без шапки студеной петербургской зимой? Локоны ему спрятать жалко? Длинный яркий красно-желто-зеленый шарф тоже не подходил ни к сезону, ни к строгому деловому фасону пальто. Правда, локоны и концы шарфа развевались на ветру очень красиво, эффектно, броско. Пижону ветер был не помеха, он встал у крыльца так, чтобы заслонить от ветра Августу, и простоял с ней несколько минут. И минуты эти показались, Александру вечностью. Спутник Августы придерживал ее за локоть, говорил что-то на ухо и вообще вел себя крайне фамильярно. Казацкая часть крови в Александре вскипела, в голове застучали надсадные злые молоточки, пальцы сами собой сжались в кулаки. Ему захотелось выйти, подойти к пижону и... Дальше он не успел осознать свои желания, потому что немецкая часть его крови ожидаемо подавила казацкую, – молоточки перестали стучать, кулаки разжались. Александр осознал, что он, сам того не желая, попал в дурацкую ситуацию и незачем ее усугублять глупым поведением. Самое правильное – сидеть в такси и ждать, чем закончится дело.

Не исключено, что придется уехать, не объявляясь, чтобы Августа ненароком не решила, что он за ней следит.

Уезжать втихую Александру не понадобилось, потому что Августа пошла по тротуару к метро, а пижон вернулся обратно. Перед расставанием он не то поцеловал Августу, не то шепнул что-то ей на ушко, а она ему мило улыбнулась. Августа вообще мило улыбалась, и улыбка ее могла быть простым проявлением вежливости, но Александру показалось, что она улыбнулась особенно приветливо, особенно мило, точно так, как улыбалась ему. «Проводить, что ли, выходил?» – неприязненно подумал Александр, вылезая из машины навстречу Августе.

– Ой! – обрадованно воскликнула Августа, увидев Александра. – Ты решил за мной заехать! Как мило. Давно ждешь?

– Только что подъехал, – соврал Александр, почуяв подвох в вопросе.

Соврал – и лишился возможности узнать хоть что-то о пижоне, провожавшем Августу. Так бы еще можно было спросить словно невзначай про длинноволосого, уж не артист ли какой, больно лицо знакомое. Или пошутить над тем, какой морозоустойчивый у Августы знакомый, стоит на ветру без шапки и не морщится. Слово за слово – и ситуация прояснилась, хотя бы частично. А Александру очень хотелось ее прояснить. Но, соврав, он лишился такой возможности. «Глупости», – подумал он, глядя в сияющие глаза Августы, однако, целуя ее, уже думал, что никакие это не глупости. Пижону можно было бы проститься с Августой и в вестибюле, не выходя на улицу. Зачем он выходил? Демонстрировал особое отношение? Или хотел уединения, хотя бы и вот в таком, уличном, неуютном варианте?

От ненужных беспокойных мыслей имеется только одно средство – игнорирование. Но, к сожалению, игнорировать мысли удастся далеко не всегда. Ты гонишь их в дверь, а они назойливо лезут в окно. Не было дня, чтобы Александр не вспоминал о мужчине, которого видел вместе с Августой. Хорошо хоть, перестал называть его Пижоном. Мелко и недостойно лепить незнакомому человеку презрительные клички, особенно если подозреваешь в нем соперника. Теперь длинноволосого незнакомца он называл просто – «Он». Причем «Он» с оттенком неприязни. *Homo sum, humani nihil a me alienum puto*⁵.

Новый год они с Августой встречали порознь, каждый в своем городе. Третьего января Александр снова приехал в Питер на три дня, но то ли сказала кратковременность разлуки, то ли что-то другое, однако радость от встречи была какой-то блеклой, слабой. Он даже спросил, не случилось ли чего у Августы. Она ответила, что ничего не случилось, просто сильно устала от праздника, растянувшегося на несколько дней. Сказала она правду или просто прикрылась удобным предлогом, Александр так и не понял. Хотелось верить, что сказала правду.

Босс и компаньон Геннадий Валерианович отказался от мысли открывать филиал в Петербурге, решил, что лучше будет открыть вторую клинику в Москве. Хотя Александр уже мысленно настроился, что переедет в Петербург для руководства филиалом, и Августа это только приветствовала, потому что сама из родного города уезжать не собиралась, ссылаясь на то, что не хочет забирать сына из школы, которая ему очень нравится и к которой он привык, да и вообще не хочет вырывать ребенка из привычной среды. Резонное, в общем-то, желание, Александр ее понимал. Известие о том, что питерский филиал «отодвинут в будущее», Августа восприняла спокойно, сказала лишь, что «будет еще и на нашей улице праздник», но не могло ли это обстоятельство повлиять на их отношения? Вдруг она решила, что изменение планов было вызвано тем, что Александру расхотелось переезжать в Петербург? Он очень надеялся на то, что Августа не станет так думать.

Ничего особенного, ничего плохого не случилось, но появившаяся напряженность, которую Александр явственно ощущал, не спешила исчезать, а только усиливалась. В скайпе они в

⁵ «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» – фраза из комедии древнеримского писателя Теренция «Самоистязатель» (лат.).

последнее время стали встречаться реже. То едва ли не каждый вечер болтали, хотя бы поне-многу, а сейчас только раз-два в неделю, причем нередко вместо видео-звонка от Августы приходило сообщение: «Привет! Как дела? У меня все ОК». Александр отвечал, что у него тоже «все ОК», хотя это было верно всего лишь наполовину. На работе все было ОК, клиника «La belle H  l  ne» оправилась после пережитых потрясений и вроде как крепко стояла на ногах. Даже определенные перспективы вырисовывались, причем вырисовывались явно, не в воображении, а в реальности. И складывалось все очень удачно, один к одному, тютелька в тютельку. Едва босс успел договориться о кредите на открытие новой клиники, как на Таганке, по Гончарной улице, освободился удобный старинный двухэтажный особнячок, как раз такой, какой был нужен. Здание, построенное в позапрошлом веке, требовало хороших вложений, но оно того стоило. Стильное, респектабельное, да и располагалось отдельно – не нужно было его ни с кем делить, очень удобно. Вдобавок ко всему у усадьбы был просторный двор, где без проблем могли парковаться сотрудники и клиенты.

– В Капотне мы бы за эти деньги целую шестнадцатизэтажку снять могли, – сказал босс Александру после осмотра особняка и предварительных переговоров с его владельцем, улыбочивым золотозубым армянином по имени Гамлет Тельманович.

– Шестнадцать этажей нам много, – рассудительно ответил Александр, видя по выражению лица босса, что решение уже им принято и советуется он только для проформы, точнее – из вежливости, чтобы не обижать младшего компаньона излишней авторитарностью. – И Таганка нам подходит больше Капотни. Во всех смыслах. Так что я полностью согласен и поддерживаю.

– Так я же еще ничего не решил! – делано удивился босс.

– Еще минут десять назад, когда с владельцем кофе пили, – усмехнулся Александр, намекая, что он все понимает и ценит деликатность босса.

Выждали для проформы сутки («переспали с решением», как выражался босс) и ударили с Гамлетом Тельмановичем по рукам, иначе говоря, подписали договор аренды на двадцать лет.

Геннадий Валерианович согласился с предложением Александра сделать основным направлением новой клиники трансгендерные операции⁶. Пока новая клиника готовилась к открытию, в старой создавалась для нее «база» – набирался и обучался персонал. Набором персонала, даже среднего и «неспециального», Александр, как главный врач новой клиники, занимался лично. Недаром говорят, что «доброе начало полдела откачало». От того, как начать работу, в прямом смысле зависит будущее клиники. Накладки, ошибки и срывы плохо сказываются на репутации всегда, но в самом начале они просто фатальны. Поэтому Александр лично беседовал со всеми кандидатами – с врачами, медсестрами, администраторами, техническим персоналом.

Прием пациентов, операции, оборудование и оснащение новой клиники, набор персонала, текущие вопросы... Дела помогали отвлечься, но поздно вечером, во время отдыха, на него часто накатывало состояние, которое он окрестил «лирической меланхолией». Странное такое состояние, отчасти приятное, потому что было связано с Августой, отчасти неприятное, потому что отношения с ней развивались не совсем так, как ему хотелось. Все смешалось в этом ощущении – и сладость обладания, и горькое предчувствие потери, и кислая острота ревности, и пряный привкус той первой радости, возникшей при знакомстве...

Если бы Александр как следует покопался в себе, то понял бы, что портрет Августы на рабочем столе был бессознательным выражением потребности быть рядом с любимой, быть вместе. Если бы он покопался еще немного, то понял бы, что согласился выступить в роли

⁶ Операции по смене пола. О том, как и почему Александр Берг пришел к такому решению, рассказывается в предыдущей книге серии «В поисках Евы».

эксперта только для того, чтобы увеличить свою и без того великую занятость. Чем больше времени отнимали дела, тем меньше его оставалось для разных лирических меланхолий.

Хотелось надеяться, что все образуется, вернется на круги своя и больше с них не сойдет. «In Hoffnung schweben, macht süß das Leben»⁷, – говорят немцы. Александр всегда считал эту пословицу чересчур сентиментальной, а сейчас вдруг ощутил, что ничего сентиментального в ней нет, одна голая жизненная правда.

⁷ Надежды подслащивают жизнь (нем.).

2. Эскулап наоборот

Вадим Родионович все же приехал на вокзал встречать Александра. Он столь усиленно изображал радушие, что можно было заподозрить неладное. Александр так и поступил. Отказавшись от предложения «отобедать с дороги», он поинтересовался, нельзя ли прямо сейчас увидеться со следователем. Оказалось, что можно. Вадим Родионович усадил Александра в свой черный «БМВ Х6» и медленно, потому что дорога была скользкой, да еще и вдобавок началась метель, повез по городу. О деле, по которому приехал Александр, не было сказано ни слова, и чувствовалось, что это неспроста. То ли Вадим Родионович не хотел давать Александру какую-либо информацию, чтобы его не обвинили в попытке воздействовать на эксперта, то ли воспринял отказ Александра отобедать как нежелание пообщаться в спокойной обстановке. Второе было более вероятно. Если бы Вадим Родионович опасался обвинений, то вообще не приехал бы на вокзал. Машину Вадим Родионович вел неторопливо, основательно, уверенно. По всему – и по взгляду, и по речи, и по прямой спине, и по скупым четким жестам, и по манере вождения чувствовалось, что Вадим Родионович уверен в себе на все двести процентов. Легкий прищур свидетельствовал об ироничном взгляде на жизнь, но едва заметное подергивание правого верхнего века все же наводило на мысль, что жизнь для Вадима Родионовича – дело нервное. Про привычку к дорогим вещам можно было бы и не упоминать, потому что такому человеку все дешевое просто противопоказано. Как бисквитно-кремовый торт диабетiku.

Ехать молча было неловко. В другой день Александр похвалил бы город, но сегодня хвалить было нечего, кроме серо-белой пелены за окном. Но, если хорошенько подумать, то тема для разговора всегда найдется.

– Вадим Родионович, а почему ваша клиника называется «Палуксэ»? – спросил Александр.

– Нравится? – не отрывая взгляда от дороги, спросил Вадим Родионович.

– Нравится, – честно ответил Александр. – Легко запоминается и... интригует.

– Сам придумал, – с гордостью сказал Вадим Родионович. – Две недели придумывал-придумывал, придумывал-придумывал, но так ничего и не придумал. Боялся, что мозг от напряжения расплавится. А потом решил пойти самым простым путем. Взял слово «эскулап», прочел его наоборот и побежал заказывать вывеску, бланки и рекламу.

– Точно – эскулап! – Александр легонько хлопнул себя по лбу, словно наказывая за негодливость. – Как же мне раньше в голову не пришло!

– И никому бы не пришло, – снисходительно обронил Вадим Родионович. – Все гениальное просто, но в то же время непостижимо. Правда, некоторые меня критикуют. Например, наш массажист Лян, человек суеверный, как и положено китайцу, считает, что нельзя выворачивать наизнанку имя бога врачебного искусства. По его мнению, клиника с подобным названием обречена на разорение. Пока что у меня получается противостоять китайским суевериям.

Вадим Родионович скупно улыбнулся. Александр тоже улыбнулся.

– У вашей клиники тоже хорошее название, – на слове «тоже» Вадим Родионович сделал ударение. – «Ля бель Элен»... Сразу приходит на ум Париж, столица моды и красоты. Правильный ассоциативный ряд. Впрочем, наш мудрый Лян и здесь бы нашел, к чему придраться. Вспомнил бы, что из-за Елены Прекрасной началась Троянская война и чего-нибудь накаркал. Я его однажды спросил, как, по его мнению, должна называться моя клиника. Он ответил, что лучшим из названий было бы «Благоуханный цветок лотоса». С таким названием, сказал, можно не думать о рекламе, и без нее отбою от клиентов не будет. Может, для Китая оно и верно, но у нас своя специфика. На мой взгляд, «Благоуханный цветок лотоса» хорошо для ресторана или массажного салона, но не для клиники пластической хирургии...

В унылом казенном здании с унылыми коридорами в унылом кабинете полагалось сидеть унылому человеку, но следователь Сергей Максимович Званский оказался веселым добродушным лысым дядькой предпенсионного возраста. Наверное, таким, располагающим к общению, и должен быть настоящий следователь, человек, собирающий сведения, допрашивающий и расспрашивающий, чтобы ему хотелось рассказать как можно больше.

Вадим Родионович познакомил их и ушел. Званский быстро покончил с формальностями – «произвел», как он выразился, Александра в эксперты, ознакомил с правами и обязанностями, поставил перед ним вопросы, которые заключались в определении вины врачей при летальном исходе медицинской помощи, и выдал по списку (и под расписку) материалы для изучения.

– Это, конечно, не оригиналы, а ксерокопии, – сказал он, протягивая Александру винтажную картонную папку с тесемками, – но прошу без присмотра не оставлять и вернуть все в целости и сохранности. Вы что сначала намерены делать – изучать материалы или встретиться с другим экспертом, работающим по этому делу? Вот, кстати, его визитка. Рыкалов Федор Васильевич – золотая голова, золотые руки, золотой характер. Один из лучших хирургов Поволжья.

С лучшими врачами городов, областей и даже всея Руси Александру часто приходилось встречаться. Что поделатъ, людям нравятся такие вот неформальные титулы. Но «лучших врачей Поволжья» он еще не встречал. Что ж, посмотрим, каков ты, Федор свет-Васильевич. Судя по визитке, без особых фанаберий – ни золотого тиснения, ни буйного, режущего глаз многоцветья, ни обилия званий. Чего только не пишут люди на визитных карточках! От академиков всемирных информационно-интеллектуальных академий до скромно-неожиданного «эсквайр». Не исключено, что уже написаны диссертации, посвященные роли визитных карточек в аутопсихотерапии.

– Наверное, сначала изучу материалы, – ответил Александр, укладывая бумаги в папку. – Чтобы была база для общения.

– Сначала пообщайтесь без базы, – посоветовал следователь. – Федор Васильевич сориентирует вас на местности, а потом уже начнете знакомиться с материалами. Так вам будет легче. Если захотите задать вопросы кому-то из фигурантов, то напрямую не общайтесь, действуйте через меня.

– Эксперт не вправе вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела, – процитировал из только что прочитанного Александр, – а также не вправе самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы. Скажите, пожалуйста, Сергей Максимович, а что означает «сориентирует вас на местности»? В чем тут, в вашей местности, нужно ориентироваться? И может, вы сами меня сориентируете?

Сергей Максимович вздохнул, почесал затылок, покачал головой, а затем сказал:

– Дело это такое... На любой самый безнадежный висяк, который на контроле у руководства, обменял бы не раздумывая. Я, знаете ли, Александр Михайлович, вашу врачебную братию не очень жалую. По работе. По жизни – уважаю и доверяю, но вот по работе... Нигде не огребешь столько неприятностей, сколько вот на таких простых на первый взгляд делах. Вы думаете, я просто так, ради развлечения, комиссионную экспертизу назначил? Не думайте. Для развлечения у меня есть рыбалка и преферанс. И говорить я вам ничего не стану, потому что мне не положено вести с экспертами подобные разговоры. А Федор Васильевич вам, как эксперт эксперту, все объяснит.

– Давайте сразу уточним, Сергей Максимович, что если речь идет о даче заведомо ожидаемого заключения, то это не ко мне, – сказал Александр, глядя в глаза следователю. – Вы уж простите мою прямоту, но точки над «і» лучше расставлять сразу. Кто бы и как меня не ориентировал...

– Да я же совсем не об этом! – всплеснул руками Званский. – Я сам ничего, кроме объективной оценки, от вас не жду! Не придете к общему мнению с Рыкаловым, давайте каждый свое. Я имел в виду другое – чтобы вы представляли, откуда и куда дует ветер.

«Какая утонченная дипломатия, – иронично подумал Александр. – Ни слова в простоте. Сориентирует на местности. Откуда и куда дует ветер. Покойный Дегтярский яснее выразился...»⁸

Перед общением с коллегой Александр решил хотя бы в общих чертах ознакомиться с материалами. Мало ли что говорил следователь Званский. Доктор Берг привык жить своим умом.

В этот приезд Александр намеренно выбрал гостиницу в центре города, потому что ему никогда не доводилось бывать в Нижнем зимой. Хотелось долгими зимними вечерами гулять по заснеженным улицам старого города, дышать свежим воздухом, любоваться видами и уставать настолько, чтобы по возвращении в номер принимать горячий душ и сразу же засыпать, не думая ни о чем на сон грядущий. Гостиница не разочаровала, действительно оказалась уютной и комфортной, как описывали на сайте. Кроме всего прочего, порадовал своими правильными размерами сейф в номере. В него свободно умещалась папка с материалами дела. Александр разобрал дорожную сумку, заказал кофе в номер и стал знакомиться с материалами. Просматривал он их бегло, отмечая в уме ключевые моменты.

Операция проводилась по показаниям, нос у умершей пациентки и впрямь был некрасивый, вдобавок имелось искривление носовой перегородки...

Противопоказаний к операции не было, во всяком случае, в деле о них не говорилось ни слова. Предоперационное обследование провели как положено...

Протокол операции был написан так, что хотелось взять его в качестве образца для ординаторов. Александр читал и будто смотрел видеозапись – все как наяву...

«Стоп! – спохватился он. – Назначена комиссия экспертная. Я – хирург, Федор Васильевич тоже хирург, а кто же тогда должен оценивать действия анестезиолога? Хирург не вправе, ведь это другая специальность. Или есть отдельная экспертиза, про которую мне и знать не положено? А почему тогда в поставленных вопросах фигурирует анестезиолог Шишманников?»

Вопрос требовал немедленного уточнения. Александр позвонил Званскому.

– Простите, Александр Михайлович, вписал машинально, – ответил тот. – Конечно же, вам следует заняться только обоими хирургами, Качаловым и Словоходовым. Но если у вас возникнут какие-то соображения и по Шишманникову, то можете изложить их в устной форме. Я с удовольствием выслушаю, иногда, знаете ли, со стороны виднее. Опять же, я в курсе, что между хирургами и анестезиологами существуют определенные противоречия, как, например, между нами, следователями, и оперативниками. На этом противоречии все дело и основано, Иван кивает на Петра, Петр на Ивана, а наше дело – установить истину. С учетом всех факторов, в том числе и направления ветра.

«Дался ему этот ветер!» – подумал с досадой Александр и спросил:

– Сергей Максимович, у Викулайской есть влиятельные родственники?

– Правильный вопрос, – похвалил Званский. – Нет у нее никаких влиятельных родственников. Даже ни одного адвоката или журналиста нет. Совершенно обычная семья. Отец работает инженером на «Салюте», есть у нас такое научно-производственное предприятие, а мать – бухгалтером в драмтеатре. Но, если говорить начистоту, для нас статус родителей потерпевшей никакого значения не имеет. Закон одинаков для всех.

«А Волга впадает в Каспийское море», – подумал Александр, но озвучивать свой сарказм не стал.

⁸ См. вторую книгу серии «Девушка по имени Августа».

Закончив чтение, он почувствовал, что нешуточно проголодался (утром, еще в Москве съел парочку бутербродов и с тех пор ничего не ел) и спустился на первый этаж пообедать. Ресторан при отеле был оформлен в стиле купеческого трактира XIX века – русский ампи́р во всем его ослепляющем величии. Обилие лепнины, скульптур, позолоты, резьбы, но в целом стильно, без лишней вычурности. Впрочем, ампи́р вычурностью не испортить, это сам по себе вычурный стиль. Роскошь, роскошь и еще раз роскошь. Меню в тяжелой кожаной папке было не очень большим, но полностью аутентичным. Солянка по-сормовски, любимые пельмени Максима Горького, котлеты по-нижегородски, морс «Волжский»...

– Сормово, насколько мне известно, исторический рабочий район, стало быть, солянка будет простая, без изысков? – спросил Александр у розовощекой курносой официантки.

Невольно и сам вместо «следовательно» употребил старорежимный оборот «стало быть».

– Простая, но вкусная, – улыбнулась официантка. – По-сормовски – это с грибами. Сушеные белые и соленые грузди. Неописуемый вкус.

– Надо попробовать, – сказал Александр. – А котлеты по-нижегородски – это как?

– Берется кусочек сливочного масла, облепляется говяжьим фаршем, затем свиным, обмакивается в яйцо и обваливается в сухарях, – подробно объяснила официантка и, конечно же, не обошлась без похвалы: – Очень вкусно получается.

– Вас не станут ругать за то, что вы выдаете кулинарные секреты? – пошутил Александр. – Это же, наверное, секрет, рецепт, передаваемый от бабушек внукам. Вот я, например, за всю свою жизнь ни разу не слышал о котлетах по-нижегородски, несмотря на то, что уже приходилось бывать в вашем городе.

– Секрет в пропорциях и деталях, а не в том, что я вам рассказала, – отшутилась официантка. – А про ингредиенты нам положено рассказывать. Сейчас все подвинуты на еду, один это не ест, у другого на то аллергия, лучше уж рассказать. Попробуете котлеты?

– Непременно, – кивнул Александр. – Я еще и любимые пельмени Максима Горького могу заказать, если вы мне и про них расскажете. За что их Алексей Максимович любил?

– За их неповторимый вкус, – официантка закатила глаза и покачала головой, давая понять, насколько неповторим этот вкус. – Телятина с тертой брусникой – это поистине волшебное сочетание. Меньше дюжины брать не советую, не распробуете!

– Дюжину так дюжину, – согласился Александр. – За сорок минут я успею пообедать?

– Запросто, – обнадежила официантка и ушла, кокетливо покачивая полными бедрами.

В ожидании заказа Александр позвонил Рыкалову, представился, договорился о встрече и вызвал такси. Диспетчер, принимавшая заказ на машину, разговаривала очень суровым тоном, а в конце предупредила:

– Если передумаете ехать, двести рублей за вызов заплатить все равно придется.

– Я не передумаю, главное, чтобы вы до меня доехали, – ответил Александр. – В такую-то погоду.

– Сегодня разве погода? – хмыкнула диспетчер. – Так, легкий ветерок...

«Легкий ветерок» успел как следует прихватить щеки за то время, пока Александр пересекал тротуар и садился в машину. В больнице пришлось долго идти пешком к новому корпусу, потому что такси на территорию не пропустили. Но не бывает плохого без примеси хорошего – пробежка помогла взбодриться и прогнать сонливость, накатившую на Александра в теплом салоне с учетом сытного обеда.

Доцент Рыкалов, едва взглянув на Александра, включил чайник, стоявший слева от него на широком подоконнике. Пока пожимали друг другу руки и обменивались впечатлениями о погоде, вода закипела. В чашки со свежесваренным чаем Рыкалов добавил немного из коричневой керамической бутылочки с черной этикеткой.

– Бальзам, – пояснил он. – Чисто в лечебных целях. Вы же, как я понимаю, не за рулем?

Рыкалов был похож на доктора Росса из «Скорой помощи». Не на актера Джорджа Клуни, а именно на доктора. Было в нем что-то такое, докторское, что описать нельзя, но даже если увидеть его на улице без халата и хирургической формы, то все равно сразу станет ясно, что это доктор.

– Не пойму, почему мы с вами до сих пор не были знакомы? – удивился Рыкалов. – Наш медицинский мир так тесен. С Вадимом Родионовичем вы же знакомы... А вы его, кстати говоря, хорошо знаете?

– Да не очень, – признался Александр, чувствуя, что вопрос задан неспроста. – Виделись несколько раз, разговаривали.

– Значит – не знаете, – констатировал Рыкалов. – Ничего, узнаете еще, будет возможность.

Он отхлебнул из своей кружки чаю и на секунду-другую зажмурился от удовольствия. Александр последовал его примеру. Чай и впрямь был очень хорош, согревал как тело, так и душу. Удержаться от того, чтобы сразу за первым глотком сделать второй, было решительно невозможно. Очень хорошо и уютно сидеть на удобном, не мягком и не жестком, а серединка на половинку, диванчике в маленьком кабинете с большим окном, смотреть на темную заоконную мглу и пить вкусный согревающий напиток.

– Напиток богов! – сказал Рыкалов, видя, что гостю понравился чай. – Еще бы меду ложечку, башкирского, да ординаторы весь слопали. Чудовищно прожорливые у меня ординаторы, все, что на стол ни выставишь, съедают подчистую. Благодаря им я в свои пятьдесят строен аки кипарис. Может, и разъелся бы, да не с чего. Дома два сына и вечно пустой холодильник, на работе – рота ординаторов и такая же ситуация с холодильником. Ем досыта только в гостях, такая вот оказия.

Говоря это, он улыбался, и Александру стало ясно, что доцент Рыкалов человек хороший, добрый и, судя по всему, неглупый. У глупых людей не бывает умного взгляда. Величественно-напыщенным их взгляд бывает часто, а умным – никогда. «С таким можно говорить прямо», – решил Александр и сказал:

– Я себя, Федор Васильевич, чувствую примерно как сиамский посол при дворе Людовика Четырнадцатого. Не могу понять, что тут у вас происходит. Набеки туманны, но что-то за ними кроется. Господин Званский сказал, что вы сориентируете меня на местности. Сам этим заниматься не захотел. Вадим Родионович тоже ведет себя немного странно. Сказал, что это он предложил Званскому мою кандидатуру. А разве вправе он в такой ситуации предлагать экспертов по своему выбору? И чего-то он недоговаривает, во всяком случае, такое у меня сложилось впечатление. Может, вы проясните ситуацию?

– Сориентировать? – усмехнулся доцент. – Это можно. Начну со Званского. У него есть одна весьма неподходящая для следователя черта – он любит спокойствие. С такой любовью надо в архиве работать или в музее каком-нибудь. Спокойствие для Званского – высшая ценность, а кредо его таково: «Отстаньте от меня и делайте что хотите!» Беспокойных дел он не любит, а это дело определенно беспокойное, резонансное. Нынче принято обвинять нас, докторов. И взяточники мы, и пофигисты, и бездари тупые... Один наш театр, малоизвестный, но очень современный, уже репетирует пьесу про врачей-убийц. По свежим, так сказать, событиям. Все решили, что кто-то непременно должен быть виноват, хотя следствие не закончено и суда еще не было. Пришла здоровая женщина в клинику, чтобы форму носа исправить, и умерла во время операции. Здоровая же, а умерла. Непременно врачи виноваты. И ведь не объяснишь людям, далеким от медицины, что такое операция, что такое наркоз, и как вообще оно бывает. Я никого не обеляю и не навязываю вам какой-то точки зрения, я просто говорю о том, что и там, и там, – Рыкалов указал пальцем сначала в окно, а затем в потолок, намекая на общество и властные структуры, – хотят видеть, как виновные будут наказаны. И вот тут

начинается вторая часть мерлезонского балета. Кого именно считать виновным? А если учесть, что на докторе Качалове держится вся мерзляковская клиника...

Александр не сразу вспомнил, что фамилия Вадима Родионовича Мерзляков. Ничего удивительного – обилие впечатлений, усталость, горячий чай с крепким бальзамом.

– ...то велик соблазн сделать козлом отпущения Словоходова или Шишманникова, но вероятнее все же Словоходова. Короче говоря, не в чем мне вас ориентировать. Просто скажу, что Званский боится неприятностей и потому хочет иметь железное доказательство вины врачей, всех или кого-то одного. Версии с неблагоприятным течением обстоятельств он не захочет придерживаться даже в том случае, если она будет подтверждена. Народ жаждет крови, то есть – отмищения! Большие пальцы вниз!⁹

Зазвонил один из двух телефонных аппаратов, стоявших на столе. Рыкалов снял трубку, выслушал, что ему сказали, и встал. Александр тоже встал, потому что без объяснений догадался, что коллегу срочно вызывают к кому-то из пациентов.

– Я же не только пластикой занимаюсь, – сказал Рыкалов, разводя руками. – Всем понемножку приходится. Рад был познакомиться, Александр Михайлович, вы мне завтра позвоните в середине дня.

– Непременно, – пообещал Берг.

Александр приготовился к длительному стоянию на ветру, но ему повезло: едва он вышел на улицу, рядом остановилось такси, из которого, кряхтя, охая и поминая откровенно недобрыми словами какого-то Ваню, начала выбираться очень полная женщина, закутанная в серый пуховый платок. Александр помог ей выбраться, достал из салона пакеты, а затем уселся на переднее сиденье и попросил отвезти его в гостиницу.

– Цэпочка! – сказал водитель, в котором без труда угадывался уроженец Средней Азии.

– Что? – переспросил Александр. – Какая цепочка?

– Хорошая, – улыбнулся водитель. – Один пассажир вышел, другой сел. Цэпочка или канвейр. Всегда бы так было...

«Сейчас отогреюсь под горячим душем, затем позвоню маме и Августе и завалюсь спать», – думал Александр, поднимаясь по лестнице на второй этаж. Он успел сделать только один звонок, когда в дверь постучали.

– Кто там? – не подходя к двери, спросил Александр, думая, что кто-то ошибся номером.

– Это я, Вадим Родионович, – послышался из-за двери знакомый голос. – Простите, что без предупреждения, Александр Михайлович, но у меня к вам важный разговор.

«Виделись уже сегодня, могли бы и о важном поговорить», – подумал Александр, поднимаясь из кресла. Он решил, что переодеваться нет смысла, запахнул поплотнее махровый халат, надетый после душа, и впустил незваного гостя, очень надеясь на то, что разговор будет коротким.

Увидев Александра в халате, Вадим Родионович изобразил смущение (именно что изобразил, по глазам было видно) и принялся заверять, что он «всего на минуточку». Но в кресло усаживался основательно, даже поерзал немного, чтобы сидеть было удобнее. Закинул ногу на ногу, сцепил пальцы в замок на животе – поза обороны. Александр понял, что разговор предстоит непростой, но с выводами не спешил. Соблюдая правила гостеприимства, предложил кофе или чай. Вадим Родионович ответил, что с удовольствием выпил бы кофе. Александр заказал в номер два двойных эспresso.

– Хорошо вы устроились? – начал разговор Вадим Родионович.

– Как видите, – Александр обвел рукой вокруг себя.

⁹ По распространенной версии, которую ряд историков считает не совсем верной, направленный вниз большой палец был жестом, предписывающим древнеримскому гладиатору убить поверженного противника.

Номер был самым обычным, с небольшой претензией на роскошь в виде затейливой люстры с плафонами-лилиями и «богатого» летнего пейзажа на стене вместо положенной в гостиничных номерах абстракции. В холодном феврале пейзаж не грел душу, а выглядел откровенным издевательством.

– При иных обстоятельствах рад бы был видеть вас у себя дома, – Вадим Родионович щедро улыбнулся и на пару секунд разомкнул руки, развел их в стороны, а потом снова сомкнул в замок, – и впредь, когда все закончится, буду рад. Учтите это.

– Спасибо, Вадим Родионович, но я предпочитаю гостиницы, потому что не люблю никого стеснять. – Александр сказал правду, а не просто отказался от предложения собеседника.

Горничная принесла кофе. Гость отпил глоток, поглядел на висевшие на стене часы и перешел к делу:

– Александр Михайлович, я намеренно дал вам возможность освоиться и составить впечатление об этом... неприятном инциденте, прежде чем начать серьезный разговор. Если бы я сразу же начал давить на корпоративную солидарность, жаловаться на то, что со мной просто хотят свести счеты и так далее, то вы бы могли плохо обо мне подумать. Решили бы, что я собираюсь использовать вас втемную. Но теперь, надеюсь, вы уже поняли, что к чему...

Александр изобразил на лице легкую степень сомнения, давая понять, что еще не разобрался в деле досконально.

– ...и мы можем поговорить начистоту. – Вадим Родионович притворился, что не заметил сомнения на лице собеседника. – Мне нужна ваша поддержка, и я оценю ее по достоинству. Мир тесен, сегодня вы мне поможете, завтра я вам помогу, к тому же прошу учесть, что ваша помощь будет вознаграждена должным образом...

– Вадим Родионович! – Александр подбавил в голос капельку металла, но всего лишь капельку, совсем чуть-чуть. – Я прекрасно понимаю ваше состояние, но лучше всего будет, если мы сменим тему и больше никогда к ней возвращаться не станем. Это поможет нам обоим избежать осложнений в наших отношениях. Давайте считать, что этого разговора вообще не было, что вы заглянули ко мне для того, чтобы убедиться в том, что я хорошо устроился. Договорились?

– Не договорились, – тоже не без металла в голосе ответил Вадим Родионович. – Как мы можем договориться, если вы мне не дали договорить? Я столько времени ждал этой возможности, ехал к вам сейчас бог знает откуда, а вы не хотите уделить мне десяти минут? Да, я понимаю, что вы устали...

– Усталость здесь ни при чем, – осадил собеседника Александр. – Если вы, Вадим Родионович, пригласили меня в расчете на то, что со мной можно договориться, то вы ошиблись. Я ответственно отнесся к вашей просьбе, отложил свои дела, выкроил время для приезда, но я столь же ответственно отношусь ко всему. Так что давайте закончим этот бесперспективный разговор. Если хотите, можем побеседовать на какую-нибудь нейтральную тему.

– На нейтральные темы мы уже наговорились, – Вадим Родионович поставил чашечку на стол, мимо блюда, так резко, что едва не разбил ее, и столь же резко встал. – Неужели вас не интересует цена вопроса? Я понимаю, когда упирается Рыкалов, но вы! Я так на вас надеялся...

– Был рад увидеться с вами, – Александр встал и протянул Вадиму Родионовичу руку, которую тот демонстративно не пожал. – Давайте считать, что этого разговора не было.

– Спокойной ночи! – буркнул Вадим Родионович и ушел.

Александр приоткрыл окно, чтобы выветрился запах одеколона, оставшийся от гостя. «Чтобы духу твоего тут не было», – подумал он. Нет, каков наглец, а? Пригласил «нейтрального» эксперта, называется. Почему он так беспокоится? Нет, понятно, что повод для беспокойства у него есть, и Рыкалов говорил о том, что «народ жаждет крови»... «Я понимаю, когда упирается Рыкалов», – сказал Вадим Родионович. Значит, с Рыкаловым он уже пробовал дого-

вориться, но не вышло? Уж не потому ли понадобилась комиссионная экспертиза? Доктор Берг как противовес? Что у них здесь происходит на самом деле?

Визит Вадима Родионовича и общая неясность ситуации вызывали раздражение. В самый раз было для успокоения нервов заняться каллиграфией, только вот кисти, тушь и бумага остались в Москве. Александр даже забыл, что собирался позвонить Августе, да так и не позвонил. Он попробовал было заняться изучением материалов, но быстро понял, что лучшее, что можно сделать сейчас, это лечь спать.

Усталость одолела раздражение, и заснул он сразу, как только голова коснулась подушки.

3. Операция с летальным исходом

Глаза, нос и губы – вот на что мы обращаем внимание в первую очередь, когда оцениваем чью-то внешность, в том числе и свою собственную. Глаза, как известно, зеркало души, многие умеют или думают, что умеют, узнавать по взгляду характер человека. По губам тоже можно сделать кое-какие выводы о характере. Так, например, узкие, сжатые «в ниточку» губы должны свидетельствовать о пониженной эмоциональности, сдержанности, расчетливости, твердости. Полные же, чувственные губы говорят о страстности, порывистости, прямо-таки зашкаливающей эмоциональности. Выпяченная нижняя губа считается признаком чванства, вздернутая верхняя указывает на то, что ее обладателю не хватает серьезности... Глаза и губы могут быть разными, красивыми и не очень, но «первую скрипку» в облике человека играет нос. Не слишком выразительные глаза и самые обыкновенные губы в сочетании с изящным, классической формы, носом, будут смотреться красивыми, и лицо в целом будет выглядеть красивым. Если же глаза, заслуживающие самых высоких похвал, и губы, достойные всяческого восхищения, сочетаются с бесформенным мясистым, или очень большим, или же искривленным носом, то картина в целом радовать не будет. «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», – писал Чехов. Антону Павловичу простительно заблуждаться, потому что он, хоть и был врачом, но терапевтом, а не пластическим хирургом. Будь он пластическим хирургом, то написал бы, что в человеке все должно быть прекрасно, и в первую очередь – нос.

Пластика носа, она же ринопластика – одна из самых распространенных пластических операций. Искривленные носы выпрямляются, делаются более симметричными, сглаживаются горбинки, сужаются чрезмерно широкие ноздри, кончик носа опускается или поднимается... «Из любого баклажана можно сделать классику», – говорил ординаторам профессор Бурганов. В этой грубоватой фразе не было ни капли преувеличения. Действительно, современный уровень развития пластической хирургии позволяет «исправлять» любые носы, устранять любые дефекты, исполнять любые желания. Желания могут в самом деле быть любыми, некоторым хочется иметь нос с горбинкой, некоторые считают, что сильно вздернутый кончик улучшит их внешность.

Анджелина Джоли, опустив кончик носа и сузив крылья, из симпатичной простушки превратилась в изящную, утонченную красавицу. Манеры манерами, но внешность тоже имеет значение. Королеву делает не свита, а нос, если уж на то пошло. Холли Берри с изящным носиком стала поистине неузнаваемой, в лучшем смысле этого слова, так же, как и Сандра Баллок. Красавчик Том Круз не стал доводить свой нос до совершенства классических пропорций, которые не совсем гармонично подошли бы к его широкому лицу. Он всего лишь «заузил» нос и стал от этого на порядок обаятельнее. Актрису и супермодель Тайру Бэнкс природа щедро одарила всем, или почти всем, что требовалось для карьеры, но все впечатление портил широкий мясистый нос. Разглядывая фотографии Тайры до и после операции, почти невозможно поверить в то, что видишь одного и того же человека. Шарлю Азнавуру сочетание крупного носа с тщедушным телосложением едва не испортило карьеру, поскольку смотрелось комично и совершенно не гармонировало с его лирико-романтическим репертуаром. После ринопластики карьера великого шансонье сразу же пошла в гору.

Ринопластика может быть открытой или закрытой. При закрытой все разрезы делаются изнутри носовой полости, снаружи никаких следов не остается, поэтому этот метод является наиболее предпочтительным. Но и при открытой ринопластике, применяющейся в случаях обширного вмешательства, следы операции все равно будут незаметны, потому что разрез проходит снизу по так называемой колумелле, перегородке между ноздрями. Все будет хорошо при двух условиях. Первое – операцию должны делать профессионалы с полным соблюдением всех требований. Читая копию объяснительной записки анестезиолога, Александр вспомнил

случай, о котором ему когда-то рассказывал профессор Карачевский, когда пациентка умерла из-за неисправного газоанализатора наркозного аппарата¹⁰. Мелочей в медицине не бывает, пренебрегать нельзя ничем. Второе – пациенту должно немножечко повезти. В подавляющем большинстве случаев людям везет, иногда же случается нечто такое, чего никто не мог ни предугадать, ни предусмотреть. Три года ранее в одной из клиник Москвы во время операции умерла известная гимнастка, в силу своей профессии многократно обследованная врачами разных специальностей и не имевшая никаких заболеваний. Совершенно здоровая женщина, находящаяся в отменной физической форме, выдала во время ринопластики под наркозом аритмию, которую не удалось купировать. Примерно на середине операции сердце сбилось с ритма, затрепетало, вместо того чтобы сокращаться, как положено, перестало качать кровь, давление упало... Приступ случился в клинике, врачи были рядом и сразу же начали оказывать помощь. Они делали все возможное и даже немного сверх того, но спасти пациентку не смогли. Впоследствии действия врачей клиники как до операции, так и во время ее были признаны абсолютно правильными. Тем не менее врач-анестезиолог, дававшая наркоз умершей гимнастке, после пережитого потрясения не смогла продолжать работу не только в анестезиологии, но и в практической медицине вообще. Она ушла преподавать в медицинский колледж.

Казалось бы – такая распространенная операция, отработанная методика, хорошая, превосходно оснащенная клиника, опытные врачи... Увы, никто не застрахован от случайностей, даже знаменитости. Осложнения могут возникать как в ходе операции, так и после нее. Восстановительный период может длиться до полугода (очень долго сходит послеоперационный отек), и все это время прооперированный нос требует к себе крайне бережного отношения. Есть риск инфекционных осложнений, могут образовываться рубцы. Рубцы порой появляются не по вине хирургов, а из-за индивидуальных особенностей организма пациента, повышенной склонности к их появлению. В месте операции может возникнуть костная мозоль, пациентов может беспокоить сухость слизистых оболочек, снижение, а то и отсутствие обоняния. Увы, как нет человека без недостатков, так и не существует операций без осложнений. Многим людям пластические операции представляются чем-то простым, легким, безопасным, ведь речь идет не о лечении каких-то болезней, а об улучшении внешности. Все делается планомерно, с должным запасом времени, с должной подготовкой, в должных условиях – чего тут можно опасаться? Но опасаться, к сожалению, всегда есть чего. Александр всегда разъяснял пациентам не только ход операции и ее результат, но и возможные последствия. Человек должен представлять, на что он идет и какой ценой ему достанется новая внешность. Иногда Александру приходилось слышать от коллег, что незачем, мол, пугать пациентов. Но пугать – это одно, а разъяснять возможные последствия – совсем другое. Чем лучше, чем подробнее информирован пациент, тем меньше с ним бывает проблем.

В ряде случаев можно изменить форму носа и без операции, при помощи инъекций специальных препаратов с последующим наложением лангеты всего на сутки. Безоперационная ринопластика позволяет удалять горбинки, «сужать» спинку и кончик носа, проводить еще кое-какие изменения. Главное преимущество этого метода – экономия времени и денег. Спустя сутки после процедуры (это же не операция, а всего лишь процедура) можно показываться на людях с новым носом. Но если скальпель и резец лечат всё, то инъекции многого не могут. Например, они не могут укоротить длинный нос.

Нос у Анны Викулайской был слегка длинноват. Именно что слегка, то есть внешность он особо не портил, но, конечно же, мешал тому, чтобы Анна считалась красавицей. Все остальные данные для того, чтобы считаться красивой, у Анны были (Александр мог оценить только лицо – фотографии пациентки в разных ракурсах были в истории болезни). Классический овал

¹⁰ См. первую книгу серии «Вероника желает воскреснуть».

лица, ширина которого составляла три четверти от длины, высокий лоб, большие, миндалевидной формы, красиво очерченные глаза, столь же красиво изогнутые сочные губы, нежный, немного выступающий вперед подбородок, аккуратные, прижатые к голове, уши с маленькими мочками... Единственный ребенок, менеджер рекламного агентства, 23 года... 24 Анне не исполнится никогда, потому что она умерла за три с половиной месяца до дня своего рождения. Умерла на операционном столе...

Показания к операции были, противопоказаний не имелось. Из-за анатомических особенностей закрытая ринопластика была невозможна, пришлось проводить открытую. Кроме укорочения носа Анна пожелала сузить спинку и кончик (улучшать так улучшать). Согласно данным 3D-моделирования, в результате Анна должна была стать не просто красивой, а очень, невероятно, сногшибательно красивой женщиной, потому что во всем остальном ее внешность можно было бы считать эталонной. Если еще и фигура была бы под стать...

Александр подумал, что с фигурой у Анны, скорее всего, все должно было быть в порядке, иначе бы она в комплексе с ринопластикой делала бы маммопластику или глутеопластику¹¹. Во-первых, комплекс всегда обходится дешевле, а во-вторых, никто так не склонен улучшать все и вся, как женщины в возрасте от 18 до 25 лет. Перешагнув через четвертьвековой порог, люди то ли начинают более терпимо относиться к своей внешности, то ли свыкаются с определенными недостатками, которые и недостатками-то назвать язык не повернется, то ли начинают понимать, что идеал – понятие недостижимое, и улучшают лишь то, что реально нуждается в улучшении. В 20 же лет хочется улучшать все-все-все и малейшее отступление от мировых стандартов воспринимается как трагедия. Единственная дочь в семье, да еще и работающая, вполне могла позволить себе две операции вместо одной, если бы они были ей нужны.

История не знает сослагательного наклонения, это так. Но есть вещи, которые можно изменить, и есть такие, которые изменить нельзя. Веронику Алецкую изуродовали, вместо того чтобы вернуть былую красоту¹², но эту ошибку горе-хирургов удалось исправить. Анна Викулайская умерла, и в отношении ее уже ничего нельзя исправить.

«А зачем тогда все это? – подумал Александр. – Человека не вернуть, вопиющих, бросающихся в глаза нарушений врачи не совершили. Что можно изменить? Теоретически можно что-то предупредить в будущем, но для Викулайской ничего изменить уже не получится. Да, родственникам, может быть, нужно сознание того, что виновные наказаны, это в какой-то мере, возможно, уменьшит их горе, но...»

Додумывать не хотелось. Грустные мысли очень часто не хочется додумывать. Защитная психологическая реакция. Александр вздохнул, пообещал себе, что больше никогда, никогда-никогда не станет выступать в роли эксперта, и продолжил чтение.

Вскоре после начала операции, во время иссечения большого хряща крыла носа¹³, у пациентки возникли экстрасистолы¹⁴. Единичные, раз в одну-две минуты, ничего опасного. Анестезиолог зафиксировал их появление, отметил, что все показатели жизнедеятельности пациентки остались неизменными и что нет причин прерывать операцию. Медикаментозной терапии не проводилось, поскольку она в этом случае не требовалась. С этим Александр был полностью согласен. Если перебои в работе сердца носят единичный характер и не вызывают каких-то проблем, то в лечении они и впрямь не нуждаются. Не обязательно быть анестезиологом-реаниматологом или кардиологом, чтобы это понимать.

Операция продолжалась. Наступил черед сближения носовых костей. Без сближения костей невозможно «сузить» нос, превратить широкий в тонкий и точеный. Это делается сле-

¹¹ Пластика ягодиц.

¹² См. первую книгу серии «Вероника желает воскреснуть».

¹³ Парный хрящ, который ограничивает спереди и сбоку вход в полость носа.

¹⁴ Экстрасистолы – внеочередные сокращения сердца, самый распространенный вид аритмий.

дующим способом – иссекается кость в области спинки носа, которая представляет собой как бы верхушку конуса, если смотреть в разрезе и боковые стенки, лишенные «верхушки» и оттого подвижные, сближаются друг с другом. Как удаляется кость? В этом случае при помощи тонкого резца и молоточка. В работе пластического хирурга есть много моментов, напоминающих работу резчика по дереву или скульптора.

Квалифицированный специалист делает ринопластику, как и все прочие операции, с таким расчетом, чтобы пациент не потерял много крови. Выбираются для разрезов места с небольшим кровоснабжением, иссеченные сосуды «прижигаются» коагулятором или пережимаются. Опытный хирург может сделать ринопластику так, что и прижигать почти ничего не придется, но – ах уж это вечное «но»! – у каждого человека есть те или иные индивидуальные особенности. Не обязательно – шестой палец на руке или третья почка, это ведь уникальные случаи. Гораздо чаще, можно сказать, очень часто какие-то сосуды или нервы могут проходить не там, где им положено. Хирург уверен, что в этой области кровеносных сосудов нет или почти нет, а на самом деле их там много. Тронул – началось сильное кровотечение. Кровотечение может оказаться фатальным или нет, но в любом случае оно осложняет операцию, удлиняет ее, сказывается на состоянии пациента. На состоянии врачей, как бы хорошо они ни были подготовлены, осложнения тоже сказываются. Когда все идет по плану, дело спорится, руки, образно говоря, так и летают – туда-сюда, туда-сюда. Все шаги известны наперед. Раздвигаем, отделяем, иссекаем, сближаем, фиксируем... Любая неожиданность в той или иной степени выбивает хирурга из привычной колеи. Хирурги – народ, привыкший ко всему, они, как саперы, всегда начеку, но любая суeta, любой неприятный сюрприз осложняют дело. Осложнения осложняют, собственно, поэтому их так и называли.

Кровотечение остановили, осушили операционную рану, продолжили операцию. Толком и продолжить не успели, как кровь пошла снова. Причины? Могли не очень хорошо «закупорить» сосуды, могли случайно задеть еще какой-то сосуд, из-за закупорки кровоточащих сосудов в соседних могло возрасти давление, и хрупкие стенки не выдержали... Прояснить истину до конца уже невозможно. «Возникло острое кровотечение из ветвей латеральной носовой артерии», – пишет хирург. Анестезиолог отмечает учащение сердечных сокращений и снижение артериального давления. Почему? Ведь кровопотеря была невелика. Рефлекторно? Тоже индивидуальная особенность – раздражение этой конкретной зоны вызывает падение артериального давления? Или ж совпадение?

Кровотечения из носа порой бывают весьма сильными, настолько, что приходится тампонировать носовую полость, но во время оперативного вмешательства в носовой полости можно поступить проще – достаточно перевязать артерию выше места кровотечения, и кровотечение остановится. Так и сделали – остановили, осушили, стабилизировали артериальное давление, продолжили операцию.

Вот в этом месте, в решении продолжать операцию, образно говоря, и оказались зарытыми все те собаки, которых сейчас норовят спустить на хирургов. Видели, что дело пошло не так, зачем продолжали? Недооценили тяжесть состояния пациентки? Вот вам и криминал – налицо халатность. Или же понадеялись на вечное «авось»? Так еще хуже! Народ жаждет крови врачей-убийц, и народ получит ее. Вина хирургов налицо. Хирургов, не анестезиолога, точнее – хирурга, ответственного за операцию. Именно он принимает решение – продолжать или нет, а ассистент, анестезиолог и прочие участвующие в операции обязаны ему подчиняться. Ассистент не вправе сказать: «Ну раз так, Иван Иванович, то доделывай сам, без меня» – и уйти. Анестезиолог тоже не вправе сказать: «Хочешь продолжать – дело твое, веди пациентку сам». Нет уж, раз уж вместе начали, так вместе и заканчивать. А потом уже после драки, то есть после операции, махать кулаками, выясняя, кто прав, а кто виноват.

Закончить? А что означает «закончить»? Хирурги не могут оставить все как есть. Надо ушить рану как положено. А осталось совсем чуть-чуть, операция близилась к завершению.

И показатели гемодинамики стабилизировались – сердце стучало в правильном синусовом ритме¹⁵, давление держалось на должном уровне. Дыхание искусственное, аппарат дышал за пациентку – так при масштабной ринопластике и положено. Дыхательная трубка вставлена в трахею и подключена к наркозному аппарату с функцией искусственной вентиляции легких, нос как бы «выключен» из процесса дыхания. Иначе как же делать ринопластику? Вдруг пациент вдохнет немного крови и получит аспирационную пневмонию¹⁶, грозное заболевание?

Короче говоря, все наладилось, выровнялось, стабилизировалось. Почему бы не продолжить операцию? Прямых показаний для ее экстренного прекращения нет, и остался завершающий этап, половина которого включает в себя те же действия по ушиванию раны, которые производились бы и при экстренном прекращении операции.

Экстрасистолы были, но единичные, неопасные. Про них, наверное, в тот момент и не вспоминали. Анестезиологи о таких незначительных событиях часто вообще не сообщают хирургам – люди оперируют, нечего их понапрасну отвлекать.

Осталось немного. Не брать же пациентку ради этого на повторную операцию. Дел-то оставалось на полчаса с небольшим по самым пессимистическим прикидкам.

Кто же знал, что пациентка Викулайская выдаст на операционном столе фибрилляцию желудочков и умрет, несмотря на все старания врачей?¹⁷ А стараний этих было немало.

Операция с летальным исходом. Что может быть страшнее для врача? У Александра никогда не умирали пациенты, но тем не менее он мог представить, какой это удар для хирурга и для всех, кто участвовал в операции. Хотели как лучше, а получилось так, что хуже и не бывает.

– Голову сломать можно, – пожаловался своему отражению в полированной столешнице Александр, отодвинув от себя материалы.

От сидения над бумагами затекли спина и шея. Александр встал, потянулся и повертел головой. Где-то противно хрустнуло, но не в голове, а, кажется, в позвоночнике.

¹⁵ Ритм сердца, исходящий из т. н. «синусового узла», нормальный сердечный ритм.

¹⁶ Воспаление легочной ткани, возникающее при проникновении в легкие чужеродного агента: частиц пищи, рвотных масс, крови и т. п.

¹⁷ Опасное для жизни состояние, при котором отдельные группы мышечных волокон сердечной мышцы сокращаются порознь, вследствие чего сердце теряет способность перекачивать кровь.

4. Катавасия с кавардаком

Самый простой путь не всегда оказывается самым правильным. Подъехать в клинику и пообщаться с коллегой – это просто и быстро. Но эксперт не может вести себя подобным образом, потому что он не следователь и не оперативник. Эксперт вправе потребовать у следователя дополнительную информацию, а уж следователь будет решать, в каком виде ее предоставить. Иначе говоря, то ли сам допросит свидетелей и подозреваемых, то ли проведет допрос в присутствии эксперта. Но сложности удлиняют, а времени в обрез. Среда прошла в суете и знакомствах, в четверг Александр изучал материалы, а вечером обсуждал дело с доцентом Рыкаловым. Говорили только о деле, то есть – о ходе операции и действиях врачей, никаких «закулисных» и «подковерных» тем не касались. Рыкалов не затрагивал этих тем, а Александру по большому счету они были неинтересны.

– Все это и выеденного яйца не стоит! – сказал Рыкалов на прощание. – По-хорошему, если говорить начистоту, то эта история не тянет на уголовное дело. Поймите меня правильно, Александр Михайлович, я не корпоративную честь и белизну халатов блюду, а говорю то, что думаю. Неблагоприятное стечение обстоятельств – не более того. Да, возможно, если бы операция шла быстрее или была прервана, короче говоря – если бы она закончилась раньше, то фибрилляция уже случилась бы после нее или вообще не случилась. Но как можно говорить наперед? Я еще понимаю, если бы у Викулайской была какая-нибудь патология, если бы у нее в анамнезе было хотя бы одно нарушение ритма. Что-то, что могло насторожить коллег... Но не было ничего или же было, но она внимания не обращала. «Екнуло» сердце, ну и ладно...

Подчас периодически возникающие нарушения сердечного ритма выявляются случайно, во время обследования. Электрокардиография здесь не поможет, поскольку очень низка вероятность того, что пароксизм придется как раз на ту минуту, в которую записывается кардиограмма. Необходим как минимум суточный мониторинг – на груди залепляются электроды, на пояс прикрепляется записывающее устройство, в течение суток человек ведет дневник, в который записывает свои действия, когда проснулся, когда завтракал и т. д. Дневник нужен для того, чтобы во время расшифровки полученных данных врачи могли понять, при какой степени физической активности возник тот или иной пароксизм и как вообще реагирует сердце на физические нагрузки. Суточное мониторирование ЭКГ чаще всего называют холтеровским мониторированием по имени американского ученого, предложившего этот метод.

– ...Выговор – еще куда бы ни шло, – Рыкалов поморщился, давая понять, что и выговор он считает чрезмерно высоким наказанием. – Но уголовное дело – это, конечно, перебор. Конъюнктура чистой воды! Нам нужно «дело врачей» местного разлива!

– Я, в общем-то, с вами согласен, Федор Васильевич, – признал Александр. – Не насчет «дела врачей местного разлива», а насчет того, что ничего преступного в действиях коллег я не нахожу. Надо бы, конечно, все еще раз взвесить, продумать, но в целом действия коллег кажутся мне обоснованными. Что касается хирургов, то я и сам, наверное, в подобной ситуации поступил точно так же. Если исходить из того, с чем я ознакомился...

– Вот видите! – совершенно неожиданно взволновался Рыкалов. – Если исходить из того, с чем вы ознакомились! Знаковая оговорка, Александр Михайлович! Показательная, я бы сказал! У вас есть какое-то недоверие?

– Есть непонимание, Федор Васильевич. «Недоверие» – это слишком сильно, для недоверия должны быть определенные веские причины, ну хотя бы одна. Хотелось бы узнать подробнее о том, что происходило во время операции, и понять... – Александр замялся, думая о том, стоит ли договаривать, но все же решил договорить: – И понять, насколько слаженными были действия анестезиолога и хирургов.

– Хорошая формулировка, – одобрил Рыкалов. – Что вас насторожило? То есть – заинтересовало? Упоминание про экстрасистолы? Можно было и не упоминать, верно?

– Надо достоверно отображать ход операции и все, что происходит с пациентом, – ответил Александр, не поддаваясь на провокацию. – Если начать рассуждать в таком ключе – о чем можно упоминать, а о чем нельзя, – то можно зайти очень далеко. И для нас с вами изучение материалов дела окажется абсолютно бесполезным, потому что нельзя пользоваться материалами, которым не доверяешь. Тогда вся наша экспертная деятельность теряет смысл.

– Да она вообще бессмысленна! – выдал Рыкалов. – Так же, как и бессмысленна вся эта затея со следствием и судом! Если хотите знать, то я согласился дать заключение по одной-единственной причине – чтобы никто другой не навредил больше! *Noli nocere*¹⁸ – вот мой девиз в данном случае!

«Пошли по грибы, а набрали ягоды», – говорила в подобных ситуациях бабушка Анна Тимофеевна. *Noli nocere* – хороший девиз, только вот задача эксперта заключается в том, чтобы помочь установить истину. Чтобы не навредить, проще всего ничего не делать. Кто спит, тот не грешит, разве не так?

Следователь Званский с утра был не в самом лучшем расположении духа. Настолько не в самом, что Александр даже заподозрил его в злоупотреблении алкоголем. Довольно частый и весьма характерный симптом – плохое настроение до момента принятия первой дневной порции алкоголя.

– Что вы у них хотите узнать? – недовольно пробурчал Званский, когда Александр сообщил ему о своем желании пообщаться с коллегами, проводившими операцию. – Вам дали копию истории болезни, копии объяснительных, копии протоколов допроса! О чем таком вы хотите узнать, чего я не узнал?

– Расспросить поподробнее о ходе операции, – пояснил Александр. – Задать уточняющие вопросы, если потребуется. Раз уж вы привлекли меня к этому делу, то я считаю себя обязанным вникнуть в него как следует. Иначе грош цена моему экспертному заключению.

– Ну, зачем усложнять? – скривился Званский. – Дело-то простое.

– Разве? – деликатно удивился Александр. – Вроде бы совсем недавно вы считали иначе? Или хотя бы говорили...

– В понедельник! – отрезал Званский. – Раньше, то есть сегодня, никак не получится. Приглашу всех на утро с таким расчетом, чтобы закончить до полудня. Даже если немного задержимся, то не страшно. «Сапсан» на Москву отходит в четырнадцать сорок пять, а до вокзала одна остановка на метро. Вы успеете.

Прозвучало это не как проявление заботы, а как пожелание проваливать на все четыре стороны, да поскорее. Во всяком случае, именно так показалось, Александру. Станные люди – сами пригласили, а теперь норовят поскорее отделаться. Зачем тогда нужно было приглашать? Или эксперт из Москвы виделся всем безобидным (и бестолковым!) дурачком, который приедет, полюбуется речными видами, напишет то, чего от него хотят (понять бы еще, чего именно, хотя бы для интереса), и отбудет восвояси. А что? Вполне вероятно. Уж не потому ли пригласили не маститого академика, а доктора без особых заслуг, да еще и обремененного административной работой? Человека, у которого заведомо мало свободного времени, можно сказать – совсем нет. Какой коварный расчет...

«Стоп!» – осадил себя Александр, потому что если продолжать думать в подобном ключе, то додуматься можно до многого, черт знает до чего можно додуматься. Но какой в этом толк и какой прок? Лучше не накручивать себя, а думать строго по делу. Назвался груздем, то есть – экспертом, так дай верное заключение, такое, чтобы потом ни жалеть, ни краснеть не при-

¹⁸ Не навреди (лат.).

шлось. Подтверди репутацию столичного специалиста и возвращайся домой. В понедельник? А хотя бы и в понедельник! И очень удобно, что прямо с утра.

Порадовавшись тому, что не стал назначать на понедельник операции, Александр попросился со Званским, вышел на улицу и понял, что до понедельника он совершенно свободен. Можно было вернуться в номер и еще раз перечитать материалы, но в этом не было ровным счетом никакой нужды, потому что за вчерашний день они успели намертво запечатлеться в памяти. А вот во время прогулки по городу в голову вполне могли прийти умные мысли.

Погода благоприятствовала прогулкам – было солнечно и морозно. Снежок приятно хрустел под ногами, сразу вспоминался Пушкин с его каноническим «мороз и солнце, день чудесный». Все было, как в стихотворении, – еще вчера злилась выюга и носилась мгла на мутном небе, а сегодня природа решила сделать людям подарок. Весьма и весьма кстати. Александр зашел в ближайшее кафе, даже не обратив внимания на то, сетевое это заведение или нет, заказал кофе и сделал несколько деловых звонков.

– Это всегда так! – сказал босс, узнав, что Александр немного задержится. – Сначала «еще на денек», а потом выйдет катавасия с кавардаком.

Босс и не думал скрывать раздражения, точнее – справедливого начальственного негодования. Его можно было понять. Обещал вернуться в понедельник, так изволь быть в понедельник. Дел много, дел всегда много, а доктор Берг в эксперты записался. Мало ли разве в Нижнем пластических хирургов? А в Москве их еще больше. Почему именно Берг? Свет на нем клином сошелся, что ли? Ну и так далее.

– Кавардак – это блюдо такое, – сказал Александр, желая немного «облегчить» разговор. – Крошево вперемешку.

– Не знаю, как насчет блюда, но моя бабушка называла кавардаком понос! – ответил на это Геннадий Валерианович и отключился.

Мать восприняла новость благодушно.

– Правильно, не торопись, – сказала она. – Отдохни немного, смена обстановки благоприятствует. А то ведь в Москве у тебя отдыхать никогда не получается...

Намек был по делу, то есть – к месту. В январе из-за срочных встреч (ну не могут некоторые люди выкроить время для переговоров, кроме как в субботу или воскресенье) пришлось дважды переносить визиты к матери на более позднее время и существенно сокращать их, настолько, что и поговорить толком не получалось. Так: как дела, как работа, что за новые соседи на площадке?... Короче говоря, общались наспех, не как обычно привыкли общаться – с чувством, с толком, с расстановкой. Мать переживала, что сын слишком много работает, сын отшучивался, говоря, что когда еще можно много работать, как не в его годы.

– Во всем хороша мера, – сказала на это мать. – Ты, Саша, как врач, должен знать, что резервы организма не беспредельны. Как физические, так и психические. Если постоянно надрываться, то рано или поздно перегоришь, утратишь вкус не только к работе, но и к жизни. Это очень плохо, мне довелось видеть таких людей в своем близком окружении. Перегоревший человек – словно пустой сосуд. Ему от этого плохо, и тем, кто рядом с ним, тоже плохо.

– В буддизме пустота – одно из основных понятий, – заметил Александр. – Пустота – это свобода, то есть...

– Наверное, мы имеем в виду разную пустоту, – перебила мать. – Не слишком усердствуй. Всех дел не переделать, и живем мы не для работы. Точнее – не только для работы.

– А для чего мы живем? – заинтересовался Александр, обожавший вот такие разговоры с матерью, вроде бы и легкие, а в то же время очень глубокие и интересные.

– На этот вопрос каждый отвечает сам! – улыбнулась мать. – Чужие ответы не годятся. Скажу только одно, что работать особенно хорошо, когда есть для кого работать...

Вспомнив этот разговор, Александр спохватился, что надо бы позвонить Августе, но решил сделать это вечером. В рабочее время толком поговорить не удастся, потому что врачи-

лаборанты всегда загружены работой, не одно исследование, так другое, толком не пообщаться.

В любом городе есть своя ГПУ – главная прогулочная улица. В некоторых так сразу несколько, как, например, в Москве, где за первенство в этой категории спорят Тверская, Арбат и, с недавних пор, Большая Дмитровка. В Нижнем это Большая Покровская улица, одна из самых старинных улиц города. На Большую Покровскую Александр и отправился, благо до нее было недалеко.

В гостиницу он вернулся в половине восьмого, уставший, но довольный. Поднялся в номер, принял душ, переоделся, посмотрел, не в скайпе ли Августа (ее там не было), и отправился в ресторан ужинать. Друг Андрей частенько критиковал Александра за «узость ресторанного кругозора», иначе говоря, за привычку постоянно есть там, где понравилось, не испытывая никакой тяги к «открытию» новых мест. Александр резонно отвечал на критику: от добра добра не ищут. У него и в Москве было несколько не столько любимых, сколько предпочтительных заведений, а Андрей, как и положено журналисту, знал весь московский общепит «в лицо и поименно», от самых пафосных заведений до полуподпольных вьетнамских кафешек на вещевых рынках.

В Нижнем хватало ресторанов, но если при гостинице, можно сказать – дома, кормят вкусно, то зачем куда-то идти. Опять же – после сытного ужина (а при отсутствии обеда ужину положено быть сытным) не очень хочется выходить на улицу, ехать куда-то или идти. Гораздо приятнее подняться из ресторана к себе в номер и отдохнуть или же заниматься делами.

После ужина Александр запланировал чтение «с пристрастием», то есть собирался прочесть материалы дела, оценивая правдоподобность каждой детали и выискивая несостыковки. Когда материал уже знаком, несостыковки искать несложно. И даже увлекательно. Творческий детективный поиск.

В зале было малоллюдно. Трое сосредоточенно жующих мужчин за одним столиком (судя по внешнему сходству – отец и два сына) да одинокая молодая женщина за дальним угловым столиком. Женщина откровенно скучала, листая какой-то глянцевого журнала, не иначе как ждала кого-то. На столе перед ней стояли чашечка (явно с кофе, чай в таких маленьких подавать не принято) и тарелочка с недоеденным пирожным.

Александр заказал судака по-ветлужски, предварительно уточнив, что «по-ветлужски» означает с грибным соусом. В ожидании заказа снова попытался связаться с Августой, но в скайпе ее не было, а телефон выдавал: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Можно было бы позвонить и на домашний номер, но Александр не стал этого делать. Если у Августы телефон отключен, значит, ей сейчас не до разговоров. Даже если она дома. Лучше перезвонить позже на мобильный.

Ждать заказа пришлось долго – хороший показатель, свидетельствующий о том, что здесь действительно готовят, а не разогревают. Александр прочел свежие письма, ответил на те, что требовали ответа, а затем погрузился в изучение присланных резюме. Существует множество пособий, которые учат тому, как правильно писать резюме и как правильно оценивать соискателя, исходя из его резюме, но все эти пособия не слишком полезны, потому что больше значения придают форме, а не содержанию. Нет сомнений в том, что правильно составленное резюме дает лучшее представление о человеке, чем составленное неправильно. Но очень часто за идеальной формой скрывается полное отсутствие содержания. Реального содержания. Александр сравнивал подобные резюме с красивым фантиком, искусно свернутым в виде конфетки. Смотреть можно, а если развернуть, то ничего не найдешь.

Женщина тридцати двух лет, желающая работать администратором в новой клинике, в разделе «Мои достижения на прежней работе» указывала «ведение и развитие базы данных клиентов». Дальше можно было и не читать, потому что для администратора «ведение и развитие» клиентской базы данных – самая что ни на есть рутинная рутина. Рутину не может счи-

таться достижением. Вот оптимизация базы данных – другое дело. Александр удалил резюме. Удалил и следующее, где в разделе «профессиональные навыки и знания» двадцатидевятилетний врач написал «имею навыки работы в экстренной и плановой хирургии». Навыки работы в хирургии, экстренной и плановой, для хирурга подразумеваются сами собой. Их указывать не надо. Другое дело, если больше указать нечего. Но после прохождения клинической ординатуры и трех лет работы по специальности пора бы обзавестись какими-то дополнительными знаниями и навыками. Молодым специалистам надо активно развиваться. Когда же развиваться, как не в молодости? «Становлюсь ворчливым», – подумал Александр, но резюме удалил. Следующее тоже удалил, потому что во всем должна быть мера. Если перечень профессиональных навыков и достижений растягивается на две страницы, то это уже перебор. Сразу становится понятно, что человек «льет воду», чтобы произвести впечатление на потенциального работодателя. Где-то в одной из прочитанных книг Александру попала чудесная фраза: «Единственная цель резюме – обратить на себя внимание, поэтому пишите все, что только придет вам в голову, позже на собеседовании отделите зерна от плевел, если вас, конечно, пригласят на собеседование».

Одного врача Александр пригласил на собеседование. Тридцать два года, родился, учился и работал в Минске, женился на москвичке и переехал к жене. Резюме понравилось. Если бы Александр писал о себе, он бы так и сделал – лаконично и по делу рассказал о себе. У хирурга была «былинная» фамилия Буслаев, звучная и запоминающаяся. Фотография Александру тоже понравилась – симпатичное лицо, прямой открытый взгляд, располагающая улыбка. Пластический хирург не обязан быть сногшибательным красавчиком, но и выраженных дефектов внешности ему иметь тоже не положено, иначе у клиентов неизбежно будет возникать вопрос – а чего это доктор не сделает себе операцию в такой хорошей клинике, где он работает? Сапожник без сапог – это, с точки зрения маркетинга, как-то не очень.

– Если я присяду за ваш столик, вы не сочтете меня слишком навязчивой? – спросил приятный женский голос, нечто среднее между контральто и низким меццо-сопрано.

Александр так увлекся «просеиванием кадров» (выражение из лексикона босса), что не заметил, как к нему подошла женщина, сидевшая за угловым столиком. Красивая женщина. Лет двадцать семь – двадцать восемь, рост выше среднего, густые каштановые локоны обрамляют чуточку удлинненное лицо с высоким лбом, прямым классическим носом, большими глазами, выразительными скулами и точеным подбородком. «Ни отнять, ни прибавить!» – воскликнул бы любой пластический хирург, глядя на такое лицо. Александр от восклицаний воздержался. Встал, отодвинул стул, стоявший справа от него, сделал приглашающий жест и сказал:

– Прошу вас, садитесь, пожалуйста.

Стул Александр отодвинул первый попавшийся, но получилось так, что женщина села сбоку от него, а не напротив, и от этого между ними сразу возникла какая-то неуловимая интимность. Ухаживая за дамой, Александр машинально (и чисто с профессиональной точки зрения, никакого распутства) оценил ее грудь и ягодицы¹⁹. Персики и луна. Черное обтягивающее платье не скрывало формы, а подчеркивало их. Немного затруднил классификацию бюстгальтер, но Александр был уверен в том, что грудь у незнакомки похожа на персик. Обладательницы «персиков» весьма прагматичны, так же, как и обладательницы ягодиц, имеющих форму полной луны. Незнакомка явно была прагматичной. Александр подумал, что, возможно, она подсела к нему за столик не со скуки, а с какой-то целью.

Самое вероятное предположение женщина отмела сразу.

¹⁹ Классификация женщин по форме их ягодиц, созданная доктором Бергом, описана в первой книге серии «Вероника решает воскреснуть», а классификация по форме груди – в третьей книге «В поисках Евы».

– Я не профессионалка и даже не любительница, – сказала она с улыбкой. – Мне просто скучно. Договорились встретиться с подругой, почесать языки, а она сначала опаздывала, а минуту назад прислала эсмэску, что не сможет приехать. Какие-то невозможные проблемы на работе. Она работает юристом в крупной логистической компании, у них вечные авралы – то одна претензия, то другая. Сейчас вот китайцы груз потеряли... Впрочем, вам это неинтересно, да и мне тоже. Мне хочется говорить о чем-то более интересном, чем юридические претензии... Простите, а вы никого не ждете?

Трое мужчин поднялись и ушли. Теперь Александр и его собеседница были в ресторане одни.

– Никого, – Александр сдержанно улыбнулся, давая понять, что не прочь пообщаться. – Меня зовут Александр, я живу в этой гостинице.

– Ирина, – представилась женщина. – Я живу в этом городе, на улице Генкиной.

– Генкиной? – переспросил Александр. – Никогда не слышал такой фамилии. Чем прославилась гражданка Генкина?

– Революционерка, погибла в пятом году, когда везла в Иваново-Вознесенск из Нижнего оружие. – Ирина сделала маленькую паузу и спросила: – А вы издалека к нам приехали?

– Из Москвы, – ответил Александр и, предвосхищая дальнейшие вопросы, добавил: – Я врач, хирург, приехал в командировку.

– Вра-а-ач? – Глаза Ирины, и без того большие, распахнулись еще шире. – А я была готова поклясться, что вы адвокат или педагог. Надо же, как ошиблась.

– Почему адвокат или педагог? – удивился Александр. – И разве можно определить профессию так вот, с ходу? Подобные фокусы удаются только в книжках, и то при наличии какой-нибудь явной приметы – стетоскопа, выглядывающего из кармана, или еще чего-то такого. Объясните мне, пожалуйста, почему вы приняли меня за адвоката или педагога?

– Выражение лица у вас серьезное, взгляд умный, ну а дальше включилась интуиция! – рассмеялась Ирина. – И увела меня не в ту сторону. А вы по какому профилю хирург?

– Да так, всего понемножку, – ответил Александр, не желая называть свою специальность, ибо тогда с девяностопроцентной вероятностью разговор мог бы свернуть на профессиональную тему, а за ужином о медицине говорить не хотелось, тем более с такой очаровательной собеседницей.

Редко какая женщина устоит перед соблазном поговорить о пластической хирургии, это, в общем-то, закономерно и объяснимо. Редко какой врач склонен говорить о работе в свободное от нее время, да еще с людьми, не имеющими медицинского образования. Даже при очень большой, прямо-таки великой любви к своей профессии. «Разноуровневые» разговоры, то есть общение на профессиональные темы с людьми, мало что в них понимающими, сильно утомляют. Другое дело – с коллегой новости обсудить.

Ирина не стала проявлять ненужное любопытство. Всего понемножку, так всего понемножку. Она предпочла перевести разговор на другую тему.

– Вам нравится Нижний?

– Очень, – честно ответил Александр. – Я здесь не впервые, но все продолжает нравиться. Люблю города, сохранившие старый облик. Дух времени и все такое, что словами не выразить...

Официантка принесла заказанного Александром судака. Ирина попросила принести ей овощной салат.

– А я художник-реставратор, – сказала Ирина. – Работаю в художественном музее и кормлюсь в одной дизайнерской фирмочке. Делаю людям красиво под старину.

– Хорошо сказано, – оценил Александр. – Работаете в музее, а кормитесь в фирмочке. Можно узнать, что именно вы делаете красиво под старину?

– Интерьеры, – ответила Ирина, немного удивившись вопросу – что, мол, еще можно делать в дизайнерской фирме. – Народ в последнее время окультурился, начал хоть сколько-то разбираться в предмете и желает единства стиля. Самые продвинутые даже отличают ар-нуво от барокко. Чему вы улыбаетесь? Не верите?

– Верю, – сказал Александр, осторожно трогая рыбу вилкой – не станет ли она разваливаться при надавливании? – А улыбаюсь, потому что мне приятно быть в числе самых продвинутых. Я, знаете ли, отличаю один стиль от другого и даже знаю, что югендстиль – это тоже барокко, сиречь модерн.

Ужин прошел в приятной беседе. Вскоре перешли на «ты». Знакомство незаметно окрепло настолько, что Ирина предложила Александру показать ему «настоящий Нижний Новгород». Устоять перед таким соблазном, особенно с учетом наличия свободного времени, было невозможно. Александр с удовольствием согласился. Никаких подвохов он не чувствовал, потому что Ирина вела себя совершенно естественно. Приятное случайное знакомство, бывают же приятные случайные знакомства. В честь него Александр предложил выпить по бокалу сухого красного вина. Ирина согласилась, оговорив, что за себя она заплатит сама. Вино оказалось неплохим, выпили по второму бокалу и на этом закончили свой «разгул», как выразилась Ирина. Перед тем как расстаться, обменялись номерами телефонов и договорились созвониться завтра около полудня, чтобы, в зависимости от погоды, определиться с маршрутом.

– Если на улице будет паршиво, то погуляем по дому губернатора, – сказала Ирина. – Там есть что посмотреть.

– Губернатор не будет против? – пошутил Александр, прекрасно понимая, что речь идет не о доме нынешнего руководителя области.

– Это дом старого губернатора, дореволюционного, – на полном серьезе пояснила Ирина. – Там у нас экспозиция русского искусства. Неплохая. Левитан, Серов, Васнецов, Перов, Саврасов, Петров-Водкин... «Русская Венера» Кустодиева тоже хранится у нас. Все мужчины, даже весьма далекие от живописи, почему-то знают эту картину.

– С удовольствием посмотрю вашу экспозицию, – ответил Александр. – Даже если погода будет хорошей, можно начать с музея, а потом погулять.

Из номера Александр дважды набирал Августе и слышал «аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Отправив сообщение «Где ты? Отзовись, пожалуйста», он лег спать, но, несмотря на усталость от длительной прогулки и хороший ужин с вином, долго не мог заснуть. Беспокойство по поводу молчания любимой незаметно трансформировалось в ревность. Воображение рисовало разные картины, вплоть до самых неприятных, вроде страстного поцелуя Августы и длинноволосого красавчика. Александр ворочался с боку на бок, корил себя за «домостроевщину» (термин придумался сам собой), но укоры мало помогали. Заснуть удалось только в третьем часу ночи.

5. Сюрпризы, которых могло не быть

В дверь постучали ровно в пять минут одиннадцатого, когда заспавшийся Александр заканчивал бриться. Утонченная вежливость – плюс пять минут к десяти часам, времени, с которого, как принято считать, по выходным дням можно беспокоить людей – звонить и приходить.

То, что это не кто-то из гостиничного персонала, Александр понял, еще не открыв дверь. Персонал стучится вежливо, деликатно, осторожно, стук повторяется после длинной паузы. Сейчас же стучали резко, громко, в какой-то степени даже напористо, побуждая открывать поскорее. «Тук-тук-тук», коротенькая пауза и еще раз «тук-тук-тук».

– Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро, – тихо, почти неслышно, прокомментировал Александр и уже громче сказал: – Одну минуточку, пожалуйста!

На то, чтобы закончить бритье, ушло секунд десять. Ополоснув лицо холодной водой (здесь она была просто ледяной и невероятно взбадривала), Александр пошел открывать. Кто там, на сей раз спрашивать не стал, просто открыл дверь и удивился.

Гостей было двое – все тот же Вадим Родионович, которого по интенсивности общения пора было причислять к закадычным друзьям, и худой невысокий блондин лет сорока в сером с отливом костюме при пронзительно-красном галстуке. Вадим Родионович смотрел на Александра сердито, а блондин глядел куда-то в сторону. Чувствовалось, что ему неловко.

– Здравствуйте, Александр Михайлович, – сухо сказал Вадим Родионович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.